

Д. Исламова

ВЛИЯНИЕ КАЗАЧЕСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА

В данной статье затронуты вопросы происхождения рода Менделеевых и освещены малоизвестные факты из жизни великого ученого. Автор предлагает обратить внимание на отношение Менделеева к казачеству и то, как эта связь повлияла на судьбу ученого.

Ключевые слова: Д. И. Менделеев, казачество, Ермак, культ личности, историческая персона.

The given article studies the origin of the Mendeleev family and discloses some little-known facts from the life of the great scientist. The author pays attention to Mendeleev attitude to the Cossacks and their role in the fate of the scientist.

Key words: D. I. Mendeleev, the Cossacks, Ermak, personality cult, historic figure.

В 2009 г. исполнилось 175 лет со дня рождения великого ученого-энциклопедиста, уроженца г. Тобольска Д. И. Менделеева. Наиболее точную и полную характеристику ученому дал один из его многочисленных биографов Л. А. Чугаев: «Гениальный химик, первоклассный физик, плодотворный исследователь в области гидродинамики, метеорологии, геологии... оригинальный мыслитель в области учения о народном хозяйстве, государственный ум, которому к сожалению, не суждено было стать государственным человеком, но который видел и понимал задачи и будущность России лучше представителей нашей официальной власти» [3, с. 5]. За огромный вклад в развитие науки Д. И. Менделееву были присвоены научные титулы более 100 академий, университетов и научных обществ мира. Однако даже значительная часть просвещенных людей очень упрощенно представляет научное творчество Дмитрия Ивановича, связывая его лишь с Периодической таблицей элементов.

Многочисленные высказывания, действия и поступки Д. И. Менделеева заставляют обратить внимание на его связь с таким явлением, как казачество.

Известно, что Дмитрий Иванович по материнской линии принадлежал к старинному сибирскому роду Корнильевых, оставившему заметный след в экономической и культурной истории Сибири. «Род Корнильевых, возведенный в 1835 г. в дворянское достоинство Российской империи, отличаясь своей предприимчивостью, в течение векового периода деятельно заботился о поддержании и развитии фабричной промышленности. Корнильевы, кроме стеклянной и бумажной фабрик, открыли в Тобольске первую частную типографию и тем положили начало книгопечатанию в Сибири». Так охарактеризовал вклад Корнильевых в развитие Сибири С. Н. Мамеев, сотрудник Тобольского губернского статистического комитета, краевед, известный библиограф, опубликовавший в 1889–1890-х гг. в газете «Тобольские губер-

ские ведомости» статью «Тобольские фабриканты Корнильевы» [10, с. 314]. Но прямых известий об основателе знаменитой фамилии не имеется.

У специалистов на этот счет существует две версии. Первая гласит, что основатель рода Яков Григорьевич Корнильев происходил из «белых калмыков» (телеутов), обитавших в XVII в. в Прииртышских степях, по обоим берегам верхней Оби. Об этом пишет С. Н. Мамеев: «Крестьяне – старожилы села Аремзянского Тобольского округа, бывшие крепостные Корнильевых, передают, что Яков Григорьевич происходил из калмыков, обращенных впоследствии в православие. Будучи вывезен в Тобольск из Джунгарии каким-то купцом, он сначала жил у того купца в услужении, когда же получил свободу, то занялся на рынке торговлей. Отличаясь безукоризненной честностью, Корнильев приобрел особенное уважение и доверенность в лице известного богача, первого сибирского губернатора князя Матвея Петровича Гагарина, столь злополучно окончившего свою жизнь на виселице. Будучи вызван в 1717 г. в Петербург, Гагарин будто бы поручил управление всем своим имением, оставшимся в Тобольске, Я. Г. Корнильеву, обещав ему награду, а в случае своей смерти предоставил право воспользоваться имением его. 16 марта 1721 г. Гагарин был казнен. Благодаря такому стечению обстоятельств, гласит предание, Корнильев разбогател» [10, с. 314].

Исследователь М. М. Громыко в статье «Сибирские купцы Корнильевы» (1972) ведет начало корнильевского рода от тобольского казака Исаака Корнильева, который упомянут в делах Сибирского приказа среди других русских служилых людей, облагавших в 1627 г. ясак коренных жителей в верховьях Нижней Тунгуски [1, с. 23].

Д. И. Копылов, известный тюменский историк, подвергает сомнению обе версии. По поводу второй он пишет: «Но и эта версия носит гипотетический характер. Кроме общей фамилии, ничто

не свидетельствует о родстве безвестного казака XVII в. с громкой купеческой фамилией» [4, с. 30].

До начала XVIII в. о Корнильевых не сохранилось никаких сведений. Из «поколенной росписи» и дел Тобольского губернского архива известно, что «Корнильевы ведут свою родословную от тобольского посадского человека Якова Григорьевича Корнильева, но фамилии этой по переписи тобольских посадских людей, произведенной в 1698 г. дворянином И. Р. Качановым, между обывателями этого класса вовсе не встречается» [10, с. 314]. К сожалению, нет информации о далеких предках и в семейной хронике Менделеевых и пока не найдены новые документы, вопрос о происхождении рода Корнильевых остается открытым.

В Тобольске, родном городе Менделеева, широко распространена слава Ермака Тимофеевича – память о нем передавалась во многих народных песнях и преданиях. Могучий образ привлекал народное воображение и любовь – в нем видели героя, вышедшего из простого народа, умного и отважного вождя. На открытии памятника Ермаку присутствовал и пятилетний Дмитрий. Предания о походах Ермака интересовали будущего ученого. В личном архиве Д. И. Менделеева хранится дневник его отца – Ивана Павловича Менделеева, где подробно описана биография Ермака Тимофеевича [6], а в одном из альбомов коллекции Д. И. Менделеева по изобразительному искусству помещена фотография памятника Ермаку Тимофеевичу [7].

Безусловно, материалы о легендарном атамане, хранящиеся в архиве Дмитрия Ивановича, впечатления детства, высказывания великого земляка о роли казаков в истории России и сама личность Ермака оказали влияние на формирование будущего ученого. Об этом свидетельствуют следующие факты.

Разделяя взгляды М. В. Ломоносова на роль Сибири и Северного океана в судьбе России, Менделеев считал, что освоение Сибири должно начаться именно с освоения Северного Ледовитого океана, достижения Северного полюса. И подчеркивал важность покорения полярных льдов: «У России так много берегов Ледовитого океана, что нашу страну справедливо считают лежащей на берегу этого океана. Мои личные пожелания сводятся к тому, чтобы мы этим постарались воспользоваться как можно полнее и поскорее, сперва со стороны достижения северного полюса, о котором человечество так долго и безуспешно хлопочет, а потом со стороны правильного торгового движения... Если победили твердыни гор, надо и льды побороть, а у нас их больше,

чем у кого-либо. А около тех льдов немало... всякого... добра, своя Америка. Рад бы там, у полюса, помереть – ведь не сгниешь» [11, с. 133].

Вместе с выдающимся русским флотоводцем и ученым адмиралом С. О. Макаровым, которому принадлежит идея арктического ледокольного плавания, Менделеев разрабатывал проект большого океанического ледокола, принимал участие в его строительстве и оснащении приборами для научных исследований Северного Ледовитого океана. И не случайно ледокол получил название «Ермак». Кроме того, вопросы финансирования строительства ледокола и экспедиции были решены благодаря связям Менделеева в правительстве.

Среди материалов о «переустройстве уральских казенных горных заводов» помещена на отдельном листе запись Д. И. Менделеева о Ермаке Тимофеевиче и ледоколе «Ермак»: «Давно казаков сотня, при царе Иване с Ермаком татаров раздвигали и Руси ходы открывали, а ныне лед Макаров с “Ермаком”» [5].

Д. И. Менделеев с большим волнением наблюдал за первым рейсом ледокола «Ермак». Это подтверждают строки из письма Менделеева С. О. Макарову о встрече ледокола «Ермак» (3 февраля 1899 г.):

«Высокоуважаемый Степан Осипович!

Жду Вас и Ермака с особым и возрастающим любопытством. Думаю, что экваториал и Вам на Ермаке, и Смирнову (племянник Д. И. Менделеева – конструктор ледокола «Ермак». – Д. И.), вероятно, также [нужен]... Д. Менделеев» [13].

Трижды предпринимались Макаровым попытки освоения Северного морского пути, но неудача постигала экспедицию. 14 ноября 1901 г. Д. И. Менделеев, 67-летний ученый, обращается с докладной запиской «Об исследовании Северного полярного океана» к С. Ю. Витте, министру финансов и торговли Российского правительства, с просьбой разрешить ему осуществить экспедицию через Северный полюс и в самом начале этого документа не забывает указать о вкладе русских казаков и промышленников в освоение новых территорий:

«Его высокопревосходительству Сергею Юлиевичу Витте.

Экспедиции, снаряженной Петром Великим – под командой Беринга – человечество обязано открытием пролива, разделяющего Старый Свет от Нового и соединяющего Великий океан с Ледовитым, в котором русские казаки и промышленники уже давно плавали по берегам. Отсюда ведут свое начало славные попытки XVIII и XIX вв. – найти северо-восточный или северо-западный проход из

Атлантического океана в Тихий, чтобы соединить кратчайшим водным путем две северные половины земного шара, подобно тому как это есть в высоких широтах на южной половине земли» [11, с. 422].

С ранних работ в творчестве Д. И. Менделеева проявлялись две характерные особенности: энциклопедизм и «нацеленность на наиболее трудные и глубокие задачи естествознания своего времени» [2, с. 247]. Родные, сослуживцы, ученики, биографы отмечали также самобытность и оригинальность Дмитрия Ивановича, которая проявлялась во всем. В свидетельствах современников о Менделееве можно найти немало упоминаний о его «природной диковатости сибиряка, не поддававшейся никакому лоску» [8, с. 72]. Всю жизнь ученый гордился тем, что он сибиряк, любил это подчеркнуть: «Сам я сибиряк родом, т. е. происхожу из Азиатской России, думаю даже, что в будущем Азиатской России суждено сыграть немалую роль в мире» [11, с. 152]. Память о Сибири жила в нем постоянно несмотря на то, что после отъезда в 1849 г. из Тобольска Дмитрий Иванович всего один раз побывал на родине (в 1899 г., во время работы Уральской экспедиции).

В своей работе «Уральская железная промышленность» Менделеев называет причины самобытности сибиряков, в связи с чем «своеобразно вырабатывается склад сибирской жизни; немудрено, что люди опытные сразу отличают сибиряков, и в их характере видна самобытность. Сибирь, замечу, чуть ли не единственная большая страна, не ведавшая никогда войн, не знавшая и крепостного быта. Тут воевать учатся с природой, а как промышленность такой привычки и требует, то, думаю, мне, Сибирь должна легко сделаться такою же промышленною страной, как Северо-Американские Штаты или английские владения в Австралии» [11, с. 257]. М. Н. Младенцев (1872–1941) – секретарь Главной палаты мер и весов, один из ближайших помощников Менделеева, вспоминает: «Менделеев был крайне независим, и это сознавалось и им самим. При этом он отмечал, что “эта независимость не всем приятна”». В отношениях своих с высшими чинами Д. И. не соблюдал рангов, что смущало некоторых его сотрудников и возмущало чиновников министерства» [12, с. 149]. Менделеев пишет: «...сам я не задевал, но когда меня заденут – стараюсь не спустить» [9, с. 374].

Исследователи приводят немало примеров такого независимого поведения ученого. Однако в контексте рассматриваемого вопроса любопытна ситуация, сложившаяся в конце 70-х гг. XIX в. в период работы Д. И. Менделеева по исследованию газов.

17 февраля 1869 г. Д. И. Менделеев сделал крупнейшее в истории науки открытие – Периодический закон, с марта 1869 г. по декабрь 1871 г. разработал все важнейшие аспекты учения о периодичности и определил направление будущих исследований в этой области. Но в декабре 1871 г. резко изменил тематику своих работ и начал заниматься исследованиями в области физики газов, находящихся при низких давлениях, так как именно на этом пути рассчитывал найти ответы на важнейшие вопросы науки – определение границ земной атмосферы и (главный для Менделеева) существование и физико-химические свойства мирового эфира. На менделеевские исследования газов обратили внимание Императорское русское техническое общество (РТО), Военное и Морское министерства, которые стали материально поддерживать эти исследования, договорившись с Дмитрием Ивановичем об изучении поведения газов не только при очень низких, но и – что особенно интересовало военных – при высоких давлениях. Однако постепенно ситуация изменилась, РТО постоянно напоминало Менделееву о желательности заняться, наконец, изучением упругости газов при высоких давлениях, что необходимо было артиллеристам, а не при малых, которыми лично заинтересовался Дмитрий Иванович. К 1877 г. Менделеев фактически утратил интерес к изучению газов и стал тяготиться этой работой, поскольку был загружен другой, да и «денег давали мало». Тон его ответов становился все более резким. Д. И. Менделеев в письме секретарю РТО Ф. Н. Львову 22 апреля 1878 г. отказался от дальнейшего проведения опытов и написал: «Я – вольный казак – хочу остаться вольным и им останусь во всяком случае» [9, с. 185].

Характеристику независимого человека дает Д. И. Менделееву его сын Иван Дмитриевич: «Опираясь на свою внутреннюю силу, отец был всегда независим, был “вольный казак”, как он сам любил говорить. Его желали раздавить, но не могли. ...Отец всю жизнь был принужден сражаться с пошлостью, бездарностью, завистью, с темными силами, которым он был ненавистен, и также был преследуем всю жизнь стоявшими тогда у власти. Всем его начинаниям ставились непреодолимые препятствия... не поддержали тысячи практических его начинаний, травили в печати... в силу систематического противодействия отец не сделал и десятой доли того, что намечал, к чему страстно стремился и что мог бы сделать при сколько-нибудь нормальных условиях деятельности. Это была непрерывная жизненная трагедия гения. Он не был достаточно понят. То, что он

сделал, он сделал вопреки окружающему, благодаря исключительной силе своей личности, признанной со стороны иностранцев и поддержке на родине очень немногих понявших его лиц» [9, с. 372].

Материал по рассматриваемой теме необходимо дополнить еще одним существенным фактом из жизни Д. И. Менделеева: вторая жена Дмитрия Ивановича – Анна Ивановна Попова – была донской казачкой. «Отец ее, донской казак Иван Евстафьевич Попов, по окончании средней школы в Воронеже должен был поступить на военную службу и девять лет служил на Кавказе» [9, с. 58].

Анна Ивановна была на 26 лет моложе Дмитрия Ивановича, высокая, стройная и статная девушка с грациозной походкой, густыми золотистыми косами со скромно подвязанными черными лентами у затылка, с большими светлыми глазами на детски округленном лице с нежным румянцем и густыми, красивыми бровями [9, с. 56–57]. Четыре года боролся Дмитрий Иванович со своими чувствами, но ему удалось преодолеть все трудности: тяжелый развод с первой женой Ф. Н. Лещевой, церковный запрет на второй брак в течение 7 лет, несогласие родителей Анны Ивановны на гражданский брак (так как для донского казачьего полковника это событие могло вылиться в серьезный скандал, огромная разница в возрасте, положении, быте).

Дальнейшая жизнь Дмитрия Ивановича потекла, как и ранее, в постоянном труде, между его профессорской службой, занятиями наукой, промышленностью, различными государственными делами и семейными заботами. К концу 1886 г. у Дмитрия Ивановича и Анны Ивановны родилось уже четверо детей. Старшая дочь Любовь Дмитриевна впоследствии вышла замуж за поэта Александра Блока. От первого брака у Дмитрия Ивановича было трое детей.

После смерти Д. И. Менделеева 2 февраля 1907 г. семья вынуждена была съехать с казенной квартиры, которую занимала в Главной палате мер и весов. Из-за постоянных переездов возникла проблема сохранности и безопасности научного и литературного наследия Дмитрия Ивановича. Санкт-Петербургский университет, где ученый трудился более 30 лет, под предлогом отсутствия помещений отказался принять кабинет ученого. Анна Ивановна не знала, что делать и советовалась со многими. Об этой проблеме узнал ректор Донского политехнического института Н. Н. Зи-

нин, выдающийся математик, сын великого русского химика-органика Н. Н. Зинина, который в свое время присутствовал на выпускном экзамене Д. И. Менделеева в Главном педагогическом институте и заметил блестящие способности, предвидел его потенциал и длительное время тесно сотрудничал с Дмитрием Ивановичем. Н. Н. Зинин (младший) в сентябре 1909 г. написал письмо вдове:

«Милостливая государыня, многоуважаемая Анна Ивановна.

Донской политехнический институт желает приобрести кабинет покойного Дмитрия Ивановича как реликвию великого русского ученого и сохранить его в назидание потомству по возможности в таком же виде, в каком он был при жизни Дмитрия Ивановича, куда люди, причастные к науке, входили бы с благородной робостью и почтительным трепетом. В этом кабинете предположено поместить библиотеку Дмитрия Ивановича и назвать его именем» [12, с. 113].

При этом необходимо отметить, что Донской политехнический институт был создан совсем недавно (в 1907 г.), сам имел для учебного процесса действительно огромные трудности с помещениями и несмотря на это проявил большое внимание к памяти Дмитрия Ивановича, оказал конкретную поддержку в сложившейся ситуации.

Но вскоре государственные чиновники и Санкт-Петербургский университет спохватились и начали переговоры с Анной Ивановной и Н. Н. Зининым, которому вдова уже согласилась передать кабинет ученого: «С великим сожалением Н. Н. Зинин отказался от своей мечты иметь кабинет и библиотеку Дмитрия Ивановича в г. Новочеркасске в Донском политехническом институте и великодушно уступил его Петербургскому университету» [12, с. 114].

Подводя итоги сказанному, можно без всяких сомнений говорить об определенном влиянии лучших качеств русского казачества, его деяний (в том числе исторической роли в присоединении Сибири к России), особенно легендарного Ермака Тимофеевича, на формирование независимого, самобытного характера, взглядов Д. И. Менделеева, благодаря которым, а также универсальному уму и огромнейшему трудолюбию, он стал выдающейся исторической личностью мирового масштаба.

1. Громыко, М. М. Сибирские купцы Корнильевы / М. М. Громыко // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. – Сер. обществ. наук. – № 6. – Вып. 2. – 1972.
2. Дмитриев, И. С. Человек эпохи перемен: очерки о Д. И. Менделееве и его времени / И. С. Дмитриев. – СПб.: ХИМИЗДАТ, 2004.
3. Добротин, Р. Б. Летопись жизни и деятельности Д. И. Менделеева / Р. Б. Добротин, Н. Г. Карпило, Л. С. Керова, Д. Н. Трифонов; отв. ред. А. В. Стронкин. – Л., 1984.
4. Копылов, Д. И. Из истории сибирских предков Д. И. Менделеева / Д. И. Копылов // Науч. труды Тюмен. гос. ун-та. – Сб. 8. – Тюмень, 1975.
5. НАМ СПбГУ, I библ. Д. И. Менделеева, т. 1669/15.
6. НАМ СПбГУ, I-A-20-1-6.
7. НАМ СПбГУ, ф. Изобр., гр. 1, раз. 4, д. 12, док. 1.
8. Озаровская, О. Э. Д. И. Менделеев по воспоминаниям О. Э. Озаровской / О. Э. Озаровская. – М., 1929.
9. Тищенко, В. Е. Дмитрий Иванович Менделеев, его жизнь и деятельность. Университетский период 1861–1890 гг. / В. Е. Тищенко, М. Н. Младенцев. – М.: Наука, 1993.
10. Тобольские губернские ведомости. Антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX в. / сост., вступ. ст. Ю. Л. Мандрики. – Кн. 1.: Сотрудники и авторы. – Тюмень: Мандр и Ка, 2004.
11. Тобольский гений России: в 2 т. / сост. Г. Смирнов; отв. ред. Н. Полунина. – Т. 1. Неизвестный Менделеев: избранные сочинения. – Тобольск: Изд-во Обществ. фонда «Возрождение Тобольска», 2003.
12. Тобольский гений России: в 2 т. / сост. Г. Смирнов; отв. ред. Н. Полунина. – Т. 2. Живой Менделеев: автобиографические материалы и воспоминания современников. – Тобольск: Изд-во Обществ. фонда «Возрождение Тобольска», 2003.
13. ЦГАВМФ, ф.17, д. 42, лл. 10–11.